

УДК 94(41/99)

ББК 63.3(0)5

ЕВРОПЕЙЦЫ И РУССКИЕ В КОЛОНИЯХ И НА ИМПЕРСКИХ ОКРАИНАХ: К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ*

В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалев

Аннотация. В статье анализируется опыт взаимоотношения Российской и иных европейских империй с окраинными и колониальными сообществами. Авторы отказываются от устоявшихся представлений о жизни европейцев и русских на периферии империй в категориях неприятия и противостояния. Поэтому особое внимание в статье уделяется разнообразию коммуникативных практик. Делается вывод о том, что Британская и Французская империи, с одной стороны, и Российская, с другой, по-разному видели роль и статус местного населения. Расовая проблема вызывала отчуждение европейского и неевропейского населения, сегрегация и игнорирование местных элит разделили колониальные общества. В итоге в колониях зародилась питательная почва для идеологии национализма и деколонизации. Россия же активно использовала модель косвенного управления, сохраняла традиционные институты в Центральной Азии, на Кавказе и в других регионах, инкорпорировала элиты. В то же время она не смогла разрешить острых социальных проблем и ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: Европейские империи, Российская империя, Британская Империя, колониализм, национализм, имперские элиты, Центральная Азия, Кавказ, Индия.

417

EUROPEANS AND RUSSIANS IN COLONIES AND IMPERIAL OUTSKIRTS: TO THE ISSUE OF COMMUNICATIVE PRACTICES

V.S. Mirzehanov, M.V. Kovalev

Abstract. The article analyzes the experience of the relationship of the Russian and other European empires with the colonial and outlying communities. The authors reject the conventional ideas of the depiction of the life of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Europeans and Russians in the empires periphery in terms of only antagonism and confrontation. Therefore, the special attention is paid to the diversity of communicative practices. The study proves that the British and French empires, on the one hand, and Russia, on the other hand, saw the role and status of the local population differently. The racial issue caused the alienation of the European and non-European population, so segregation and the neglect of local elites divided colonial societies. As a result the colonies originated fertile soil for the ideology of nationalism and decolonization. Russia actively used the model of indirect control, retained traditional institutions in Central Asia, Caucasus and other regions, and incorporated the elites. At the same time Russia couldn't solve acute social problems and respond to the challenges of the epoch.

Keywords: European Empire, Russian Empire, British Empire, colonialism, nationalism, imperial elite, Central Asia, Caucasus, India.

Общей родовой чертой империй XIX – первой половины XX века была переселенческая колонизация, хорошо известная на примере российской Центральной Азии, Французского Алжира и Британской Индии. Освоение имперского пространства, развитие аппарата управления неминуемо ставило вопрос о коммуникативных практиках, иначе говоря, о способах взаимодействия с местным населением. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить сложную ткань взаимодействия «людей империи» и местных сообществ, проанализировать характер взаимоотношений различных религиозных и этнокультурных групп в колониях и на имперских окраинах. Р. Суни заметил, что в империях метрополия и окраины всегда так или иначе отличались друг от друга, а отношения между ними «задавались метрополией или воспринимались периферией как оправданное или неоправданное равенство, субординация и / или эксплуатация» [1, с. 17]. Жизнь европейцев и русских

на периферии империй, их взаимоотношения с местным населением чаще всего представляют в категориях неприятия и противостояния, как «жизнь в осажденной крепости». Характер этих взаимоотношений нам видится гораздо сложнее, в обилии коммуникативных практик: сотрудничество, взаимодействие, использование имперских ресурсов в местных интересах.

Обратимся, для примера, к истории подчинения Центральной Азии. Международные отношения в регионе и на сопредельных регионах в XIX и начале XX века часто характеризуются как «Большая игра» империй [2; 3]. Однако многие исследователи в связи с ней обычно делают упор на политику и деятельность представителей империй, при этом игнорируя местные контексты и последствия «Большой игры» для региона. В данном контексте, безусловно, примечательны методологические подходы как классика англоязычной историографии Рональда Робинсона, занимавшегося изучени-

ем сотрудничества неевропейских элит с имперскими властями, так и молодого американского исследователя Шона Поллока, сформулировавшего концепцию «империя по приглашению» [4; 5]. При этом, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов многочисленные факторы сопротивления империям. Таким образом, коммуникативные практики в колониях и на имперских окраинах следует рассматривать исключительно в их многообразии. Это особенно важно в контексте понимания колониализма как системы политического контроля, наложенной одним обществом на другое [6, р. 19]. Включение в состав государства новых территорий, населенных представителями иных этносов и верований, неизбежно ставило вопрос о методах их эффективной интеграции и управлении ими [7, с. 31].

Местные жители нередко играли ключевые роли в экспансии империй и соперничестве между ними, и часто использовали это соперничество для своих выгод, но в долгосрочной перспективе их инициативы привели к их подчинению империям. По мере того, как имперское правление привносило понятия справедливости, стабильности, законности, немалое число жителей колоний и окраин делали выбор в пользу адаптации и сотрудничества, нежели сопротивления. Правда, недоверие и опасения властей часто отчуждало их. Одни и те же люди могли переключаться между сотрудничеством и сопротивлением, и те же самые идеологии, в том числе и исламская, могли оправдать это. В период модернизации, способность или неспособность империй предостав-

вать культурные и политические модели и возможности могла определить отношение людей в колониях к империям [8].

История завоевания Средней Азии и ее включения в состав Российской империи по-разному видится разными акторами и толкователями. Обратимся, в частности, к одному эпизоду военных действий в 1877–1881 гг. в туркменских землях. Одну точку зрения представляют донесения российских военных, непосредственных участников событий того времени, а затем – интерпретация этих донесений в трудах имперских военных историков. Вторая точка зрения выражена в свидетельствах среднеазиатских очевидцев, а также в описании и оценке произошедшего в постсоветской национальной историографии Туркменистана. Каждая из этих версий описывает ситуацию завоевания, подчинения, сопротивления и адаптации по-своему, используя специфические образы и метафоры.

На рубеже 70–80-х гг. XIX века большая часть Центральной Азии в той или иной степени была поставлена Россией под свой контроль. Однако продвижение империи в этом регионе остановлено не было. Следующим этапом стало подчинение туркменских племен. Между туркменами к этому времени не существовало единства. Это выражалось, в частности, во враждебных отношениях между туркменскими племенами теке и йомуд. Желая ослабления теке, йомуды готовы были поддержать Россию. Еще в 1877 г. некоторые из их вождей обращались к российским властям с просьбой о принятии в подданство, однако тогда их

желание не было удовлетворено. Главным центром сопротивления русским стала территория, где жили именно племена теке. Около крепости Геок-Тепе в августе 1879 г. туркменам удалось нанести серьезное поражение отряду генерала Н.П. Ломакина, русские потеряли 200 человек убитыми и 250 ранеными. По личному распоряжению императора Александра II был организован новый русский военный поход против текинцев. Его возглавил генерал М.Д. Скобелев, который после завоевания Коканда прославился в боях с турками на Балканах. 23 декабря 1880 г. русские начали новую осаду Геок-Тепе. Ожесточенные бои продолжались здесь в течение трех недель. Только 12 января 1881 г. текинцы были вынуждены капитулировать. По некоторым данным, при Геок-Тепе было убито до 8.000 туркмен. После этого инициатива перешла в руки России. 18 января 1881 г. войска овладели селением Асхабад (нынешний Ашгабат).

420

9 декабря 1881 г. российско-персидской пограничной конвенцией были определены границы между сферой интересов России на туркменском направлении и Персией. Эта конвенция логически определила пределы русского продвижения в данном районе Центральной Азии. В ноябре 1883 г. русскими войсками был занят Теджентский оазис, а 31 января 1884 г. практически добровольно приняли подданство России туркменские племена Мервского оазиса. В марте 1884 г. Мервский и соседний Иолотанский оазисы официально были включены в состав Российской империи. Тем самым процесс подчинения Российской империей

Центральной Азии (за исключением памирского направления) практически завершился. Таким образом, видим в процессе подчинения туркменских племен и цезуру сопротивления (теке), и практики приглашения и сотрудничества (йомууд), и попытки адаптации к новой ситуации других племен. Туркестан, пожалуй, более всех других регионов, подчиненных Россией, походил на европейские колонии. Достаточно сказать, что его завоеванию не предшествовала широкая народная колонизация [9, р. 93]. К тому же, Центральная Азия служила своего рода сырьевым прицелом благодаря хлопку, которым обеспечивалась бурно развивавшаяся текстильная промышленность Центральной России.

Фундаментальная дилемма, которая постоянно возникала перед российскими и европейскими администраторами при управлении окраинами, выражалась в колебании между двумя стратегиями: возрастающей бюрократической рационализацией управления и (временным) приспособлением к традиционной структуре местного общества. В более общих категориях это сводилось к альтернативе между сильным преобразовательным импульсом, происходившим из самовосприятия имперских элит как агентов цивилизации, порядка и прогресса (укорененным, в свою очередь, в просвещенческой концепции «хорошего правления»), и более консервативным, постепенным подходом, предпочитающим нахождение компромисса с местными элитами и подчеркивающим темы традиции, общественной иерархии и «исторических прав». В то время как каждый из этих под-

ходов существовал и на дискурсивном, и на практическом уровне, специфическая природа и задачи колониальных и континентальных империй могли бы создать впечатление, что подход «аккомодации» представлял собой автоматическую реакцию властей в каждом случае, когда достижение более радикальных целей оказывалось неосуществимым. Возникавшая вследствие этого ситуация часто описывалась в терминах противоречия между цивилизаторской риторикой и нецивилизованными практиками управления, которое считалось общей проблемой и слабостью российской и европейской систем управления периферией девятнадцатого века.

В конкретном случае Центральной Азии противостояние между «трансформативным» подходом и подходом «аккомодации» было особенно характерно для XIX века, когда этот регион, на разных временных отрезках и в разных контекстах, то воспринимался в категориях целостной исторической сущности, включающей все обычные и необходимые элементы структурированного общества, то интерпретировался как «пустое пространство», подлежащее интенсивной «культивации» и колонизации. В административном смысле это привело к возникновению неопределенного и «переходного» статуса новой провинции.

Доминирование политики «аккомодации» в первой половине XIX века сменилось переходом к «трансформативным» мерам в течение последней трети столетия. Именно эта черта является основной особенностью «конструирования провинции» в Туркестане. Этот случай не отли-

чается от политики англичан в Индии, опиравшейся на традиционные учреждения и местные элиты. Она характеризовалась, в общем, попытками легитимации имперской модели управления путем обращения к местным традициям.

В то же время не следует упрощать главный тезис авторов статьи, слишком явно подчеркивая полную замену подхода «аккомодации» мерами, направленными на «трансформацию» и централизацию. Элементы обоих подходов продолжали сосуществовать, так как они были обусловлены реальной социальной и этнической неоднородностью имперских окраин и колоний. Даже если отношения между центром и периферией развивались в описанных случаях от стратегии «непрямого правления» в направлении большей интеграции, централизации и униформизации, вряд ли можно говорить о проявлении полноценных или классических форм прямого управления. Имперские власти во многом не были готовы окончательно отвергнуть ни одну из двух моделей «конструирования провинции», которые были описаны в этом докладе. Эта неоднозначность проявилась особенно после сипайского восстания в Индии и Кавказской войны.

Общим стереотипом эпохи колониализма было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX веке общеевропейским дискурсом власти и описания колонизуемого общества, разделяемым разными колониальными державами. Как показал Эдвард Сайд, в истоке его лежит французская философия Просвещения, которую, к слову, хорошо знали и любили в Рос-

ции. В то же время американский историк Адиб Халид обратил внимание на принципиальное различие в подходах русских и западноевропейцев к Востоку. Русский ориентализм, в его понимании, был изначально склонен к идее культурного многообразия, нежели к бинарному делению мира на «Запад» и «Восток». Сама дихотомия Запад / Восток никогда не была в России столь явной, как в Западной Европе [10, с. 317].

В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дикарей». В этом отношении французский Алжир и российский Кавказ не представляют ничего оригинального. Военная оккупация колонизуемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных со всеми вытекающими из этого последствиями. Еще одной общей родовой чертой эпохи империй была переселенческая колонизация. Она хорошо известна на примере испанской Латинской Америки и Британской Индии. Однако не будем забывать, что территориальная экспансия поначалу нередко реализовывалась не сверху, а снизу, она исходила не от центрального правительства, а от индивидуальных или коллективных инициатив не связанных с волей верховной власти. Особое значение народная колонизация имела в Российской истории. Она стала возможной из-за отсутствия на бескрайних просторах Евразии четких государственных границ, где, к тому же, многие народы вообще не имели традиций государственности. По этой причине взаимоотношения пришедшего и местного населения определялись текущей ситуацией, опытом не-

посредственных контактов, нежели юридическими предписаниями. Но постепенно власть втягивалась в колонизационные процессы, ограничивая порой частные инициативы. Примечательной в этом плане является политика британской короны по отношению к Ост-Индской компании. В 1773 г. правительство издало акт об управлении Индией, согласно которому генерал-губернатор и члены Бенгальского совета назначала не компания, а центральная власть. В Калькутте был создан Верховный суд, главу которого также назначала корона. В 1813 г. была отменена монополия Ост-Индской компании на торговлю с Индией, а уже в 1833 г. за ней оставили только статус административной организации, да к тому же под надзором центрального правительства. Восстание сипаев окончательно покончила с властью Ост-Индской компании. Установленный в 1858 г. режим «Бритиш Радж» (*“British Raj”*) закреплял верховную власть британской короны над Индией. Поэтому применительно к империям можно говорить о конфликте интересов различных европейских сил, отражавшихся на коммуникативных практиках с местным населением. Так, в связи с этим можно говорить о соперничестве военных и европейских колонистов. И в Алжире, и на Кавказе нередко выделялись военные территории, куда доступ колонистам был запрещен, и гражданские области, ресурсы которых переходили к колонистам.

Наконец, косвенное управление было распространено на начальной стадии целого ряда колониальных империй: Испанской – в Латинской Америке, Британской – в Индии,

Французской – в Черной Африке и Индокитае. В системах такого управления были заметны местные региональные влияния. Например, когда речь шла об «арабских бюро» и военно-народном управлении в Северной Африке или на Кавказе. Сходство обеих систем нужно искать в османском наследии – ведь оба региона до прихода европейцев входили в сферу влияния Османской империи. Факты показывают, что русские и французы «учились» у турок и иранцев, которым принадлежала часть Алжира и Закавказья. Французы заимствовали у них обычай принимать на государственную службу целые племена, образовывавшие освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (махзен). Офицеры «арабских бюро» смотрели на них как на свои «глаза, уши, руки и ноги» в туземной среде. Выходцы из правящих элит иранского и османского Закавказья переходили на русскую службу.

По мере колонизации европейцы реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними, понятийный аппарат власти и управления тоже не претерпел до XX века особых перемен, но организация суда и власти мусульманского общества неизвестно как изменилась. На юге Алжира и в Дагестанской области, где системы косвенного управления продержались дольше, они превратились в гибридные колониальные учреждения.

Системы косвенного управления опирались на коммуникативные практики с местными мусульманскими сообществами и инкорпорацию местных элит. Были, однако, и различия в подходах к коренному

населению имперской периферии: в Российской империи не было расового деления, размежевание шло по социальному и конфессиональному признакам, что делало положение мусульман окраин предпочтительнее, чем в колониальных империях. Как отметил В.С. Дякин, инородцы, не переходя в православие, могли пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, «если проявляли очевидную готовность служить русской государственной идеи – великодержавности и самодержавности» [11, с. 131]. Этно-религиозная принадлежность никогда не служила в Российской империи критерием для продвижения по карьерной лестнице. В 1730 г. доля чиновников нерусского происхождения составляла 30%. В 1894–1914 гг. в Государственном Совете неправославными были 21,5% членов. В составе высшей имперской бирюкратии в 1825 г. было 11,1% инородцев, в 1853 г. – 32,7%, в 1917 г. – 11,8%. Интересно отметить, что в русской армии в эпоху Великих реформ 23% офицеров были неправославными [12, с. 32–34]. Как отметил С.И. Каспэ, стабильность империи непосредственно зависела от того, «в какой мере и каким способом различные элитные группы отождествляют свои частные интересы с интересами всей империи, и поэтому именно поведением элит – как центральных, так и периферийных – определяется, в конечном счете, прочность единой имперской политической культуры» [7, с. 45]. На всем протяжении своей имперской истории Россия проявляла почтение и уважение к элитам национальных окраин. Сопротивление экспансии и

колонизации с их стороны было минимальным, напротив, они активно участвовали в подавлении любых волнений, угрожавших имперской стабильности, на своих территориях. Они становились полноправными представителями общеимперской элиты. В российском дворянстве, как нигде, был высок процент людей не-русского, неправославного происхождения. Британцы или французы, безусловно, признавали статус местных элит, но лишь ограниченно допуская их к управлению. Они обеспечивали им безбедное существование, но лишали особого статуса. Тот же индийский раджа превращался, по сути, в наемного чиновника колонизаторов. Примечательно, что в России в годы Гражданской войны большое число представителей национальных элит приняло активное участие в белом движении, выступавшим под лозунгами «единой и неделимой», то есть за сохранение империи. Как ни удивительно либеральные модели империй (Британская и другие) имели свои недостатки, прежде всего из-за расового характера колониального общества.

Успехи русской администрации определялись ее, в целом, уважительным отношением к традиционным институтам (земельная собственность, религиозные верования, местные законы и другое). Вновь присоединенные территории пользовались определенной степенью автономии, которая при лояльности к центральной власти увеличивалась, при проявлении сепаратизма и враждебности сужалась [12, с. 30]. Так, в Казахстане продолжали действовать советы аксакалов, разделение на жузы, курултаи и другое.

Особая система военно-народного управления существовала на Кавказе и в Туркестане. Суть ее наиболее емко выразил генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления... основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров... и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам» [13, с. 4]. Долгое время российское правительство не вмешивалось в дела кавказских горцев, подданство которых до 1850-х гг. выражалось лишь в выплате ежегодной дани. Между ними и русской администрацией существовала договоренность об экстерриториальности. В Нагорном Дагестане российские подданные обязаны были руководствоваться местным адатом и шариатом [14, с. 373]. Главная ставка была сделана на кавказскую сельскую общщину (джамаат), включавшую сельский сход и суд (староста, шариатский судья, знатоки местного адата). Мусульман освободили от рекрутской повинности, в армию принимали только горцев-добровольцев, которых было немало. Немаловажную роль играло выстраивание гармоничных отношений с мусульманским духовенством. Так, один из покорителей Центральной Азии генерал М.Г. Черняев обещал наказывать местных жителей, нарушающих нормы ислама [15, с. 53]. Мусульманское духовенство отвечало колониальной администрации взаимностью, демонстрируя уважение и почтение к персоне российского государя. Так, в 1913 г. в дни 300-летнего юбилея дома Романовых в мечетях славили императора и его фамилию, а видный исламский дея-

тель Иманхан-сейид-Махмудханов заявил в торжественной речи о верности всех мусульман короне и о «гуманности царистских порядков» [15, с. 77]. Очевидно, относительно успешному межрелигиозному диалогу в процессе коммуникаций с местным населением способствовала низкая миссионерская активность православной церкви. Колониальные власти заботились лишь о поддержании православия в среде уже крещеных и не особо поддерживали прозелизм. Иначе обстояли дела, например, в английских колониях, где религиозная политика и признание к традициями нередко становилось причиной восстаний.

Власти в имперских столицах и европейские колонисты на местах по-разному видели роль и статус местного населения. Лишь единицы понимали, что эффективное управление колониями возможно только при сотрудничестве с ключевыми группами управляемых. Высшие чиновники центра и периферии не видели иного выхода, кроме кооптации местной элиты. Однако европейское население, проживавшее в колониях, стремилось не допускать даже европеизированную элиту в свои ряды. Либерализм центра, идеи верховенства права сталкивались с расизмом белого меньшинства колониальной периферии. Последние были убеждены в своей особой миссии, постоянно подчеркивали свое превосходство. Расовая проблема существовала во всех колониях и вызывала отчуждение европейского и неевропейского населения. Сегрегация и игнорирование неевропейских элит разделили колониальные общества. Имперским властям оказалось не под силу сохранить

лояльность и белых колонистов, и местного образованного класса. Фундамент империй начал разрушаться: отверженность и отчуждение местной привилегированной элиты стали питательной средой идеологии национализма и деколонизации.

Российская империя имела принципиально иную структуру взаимоотношений с населением окраин, особенно с местными элитами. Она считалась с опытом косвенного управления и потому стремилась к инкорпорации элит с целью закрепления своей власти. Эта модель, как показала практика, была более эффективной. Свою роль играло и отсутствие расовых проблем, подменявшихся, правда, проблемами социальными. Географические особенности имперского строительства предопределили отсутствие четкого разграничения между окраинами и центром. Если британские или французские практики подчинения фактически обрекали империю на неминуемый раздел и распад, то российские оказывались более гибкими, имевшими потенциал к обновлению и эволюции. И все же, несмотря на различия коммуникативных практик в европейских колониях и на российских окраинах, империи в итоге претерпели разрушительные перемены, правда, причины их крушения были различны. Но это уже тема иного специального компаративного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суни, Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи [Текст] / Р. Суни // Ab Imperio. – 2001. – № 2. – С. 9-72.

- 426**
2. Постников, А.В. Схватка на Крыше Мира: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке [Текст] / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
 3. Сергеев, Е.Ю. Большая игра, 1856–1907. Миры и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии [Текст] / Е.Ю. Сергеев. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.
 4. Robinson, R. Non-European foundations of European imperialism: sketch for the theory of collaboration [Текст] / R. Robinson // Studies in the theory of imperialism / Ed. by R. Owen and R. Sutcliff. – London: Longmans, 1972. – Pp. 117–142.
 5. Pollock, S. Empire by invitation? Russian empire-building in the Caucasus in the reign of Catherine II. PhD., Dept. of History, Harvard University [Text] / S. Pollock. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 2006. – 482 p.
 6. Doyle, M. Empires [Text] / M. Doyle. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1986. – 407 p.
 7. Каспэ, С.И. Империя: генезис, структура, функции [Текст] / С.И. Каспэ // Политические исследования. – 1997. – № 5. – С. 31–47.
 8. Мирзеханов, В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2014. – № 180 (140). – С. 38–53.
 9. Silverstein, B. Discipline, knowledge and imperial power in Central Asia: 19th century notes for a genealogy of social forms [Текст] / B. Silverstein // Central Asian Survey. – 2002. – Vol. 21. – № 1. – P. 91–105.
 10. Халид, А. Российская история и спор об ориентализме [Текст] / А. Халид // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верх, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 311–323.
 11. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) [Текст] / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130–142.
 12. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1 [Текст] / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
 13. Воронцов-Дашков, И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем [Текст] / И.И. Воронцов-Дашков. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 164 с.
 14. Бобровников, В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве, XIX–XX вв. [Текст] / В.О. Бобровников // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 372–390.
 15. Литвинов, П.П. Государство и ислам в русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам) [Текст] / П.П. Литвинов. – Елец: Елецкий государственный педагогический институт, 1998. – 320 с.

REFERENCES

1. Bobrovnikov V.O., “Voenno-narodnoe upravlenie na Severnom Kavkaze (Dagestan): musulmanskaya periferiya v rossiyskom imperskom prostranstve, XIX–XX vv.”, in: *Prostranstvo vlasti: Istoricheskiy opyt Rossii i vyzovy sovremennosti*, Moscow, Moskovskiy obschestvenny nauchny fond, 2001, pp. 372–390. (in Russian)
2. Doyle M., *Empires*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 1986, 407 p.
3. Dyakin V.S., Natsionalny vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX v.), *Voprosy istorii*, 1995, No. 9, pp. 130–142. (in Russian)
4. Kaspe S.I., Imperiya: genezis, struktura, funktsii, *Politicheskie issledovaniya*, 1997, No. 5, pp. 31–47. (in Russian)
5. Khalid A., “Rossiyskaja istoriya i spor ob orientalizme”, in: P. Werth, P.S. Kabytov, A.I. Miller (eds). *Rossiyskaya Imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*, Moscow, Novoe izdatelstvo, 2005, pp. 311–323. (in Russian)

6. Litvinov P.P., *Gosudarstvo i islam v russkom Turkestane (1865–1917) (po arhivnym materialam)*, Elets, Eletsky gosudarstvenny pedagogichesky institut, 1998, 320 p. (in Russian)
7. Mironov B.N., *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.): Genezis lichnosti, demokraticeskoy semi, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva*, vol. 1, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2000, 548 p. (in Russian)
8. Mirzehhanov V.S., Evropeytsy v koloniyah: stil zhizni i osobennosti mentaliteta, *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoryya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2014. No. 180 (140), pp. 38–53. (in Russian)
9. Pollock S., *Empire by invitation? Russian empire-building in the Caucasus in the reign of Catherine II*. PhD., Dept. of History, Harvard University, Cambridge, Mass., Harvard University, 2006, 482 p.
10. Postnikov A.V., *Shvatka na Kryshe Mira: Politiki, razvedchiki, geografiy v borbe za Pamir v XIX veke*, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001, 416 p. (in Russian)
11. Robinson R., “Non-European foundations of European imperialism: sketch for the theory of collaboration”, in: R. Owen and R. Sutcliffe (eds.) *Studies in the theory of imperialism*, London, Longmans, 1972, pp. 117–142.
12. Sergeev E.Ju., *Bolshaja igra, 1856–1907. Mify i realii rossiysko-britanskih otnoshenij v Centralnoj i Vostochnoj Azii*, Moscow, Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2012, 454 p. (in Russian)
13. Silverstein B., Discipline, knowledge and imperial power in Central Asia: 19th century notes for a genealogy of social forms, *Central Asian Survey*, 2002, vol. 21, No. 1, pp. 91–105.
14. Suny R., “Imperiya kak ona est: imperskaya Rossiya, “natsionalnoe” samosoznanie i teoriya imperii”, *Ab Imperio*, 2001, No. 2, pp. 9–72. (in Russian)
15. Vorontsov-Dashkov I.I., *Vsepoddannejshaja zapiska po upravleniyu Kav-kazskim kraem*, St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografia, 1907, 164 p. (in Russian)

Мирзеханов Велихан Салманханович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Отдела, Отдел истории Европы XVIII–XIX вв., заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН, lum62@yandex.ru

Mirzehhanov V.S., ScD in History, Professor, department head, Department of European History of the XVIII–XIX centuries, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, lum62@yandex.ru

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Отдел истории Европы XVIII–XIX вв., Институт всеобщей истории РАН, kovalevmv@yandex.ru

Kovalev M.V., PhD in History, Associate Professor, Researcher, Department of European History of the XVIII–XIX centuries, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, kovalevmv@yandex.ru